ПЯТЬ ИНТЕРВЬЮ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ЭЛИТЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА, ЧЛЕНАМИ СЕМЕЙ ВИДНЫХ НАЦИСТОВ И ЛЮДЬМИ, ВХОДИВШИМИ В ИХ БЛИЖНИЙ КРУГ

Эти интервью были взяты в разные годы у тех, кто хорошо знал элиту нацистской Германии. Они размещены на сайте, создатели которого явно симпатизируют национал-социализму, так что те, кому задавали вопросы, были достаточно откровенны. В их памяти те, кто был ответственным за поражающие воображение по своим масштабам преступления против человечества, остались добрыми и интеллигентными людьми, прекрасными руководителями, мужьями и отцами. Стоит ли удивляться тому, что в наши дни куда более мелкие преступники – последователи вождей Третьего Рейха, довольно популярны во многих странах мира…

ЛЕНИ РИФЕНШТАЛЬ (1902-2003)

Немецкая киноактриса, режиссер и фотограф, активный нацистский пропагандист в эпоху Третьего Рейха. Интервью взято в 1990 году.

Спасибо, что нашли время встретиться со мной. Я хотел бы задать несколько вопросов, касающихся того, какой была Ваша жизнь во времена Третьего Рейха…

Пожалуйста, *junge*, я не избегаю СМИ или кого бы то ни было, кому интересно моё творчество и прошлое. Я бы попросила вас не публиковать и не передавать в газеты то, чем я собираюсь с вами поделиться, до тех пор, пока меня не станет. Прошу отнестись к этому пожеланию с пониманием.

Национал-социализм всегда изображали как антиженское движение, подразумевая, что во времена Гитлера женщин поощряли быть «босыми и беременными». Как вам удалось преодолеть то, что сегодня называют «стеклянным потолком», и сделать то, чего не делала ни одна другая женщина — стать ведущим кинорежиссёром?

О, это весьма серьёзный вопрос для *junge*. Дайте подумать. С самого раннего возраста меня всегда поощряли интересоваться искусством. Меня поддерживали в занятиях живописью, танцем и актёрским мастерством. Вы правы в том, что в Германии, да и во всём мире, женщин отговаривали от занятия руководящих позиций, особенно в искусстве, если только вы не были секс-символом и не предоставляли мужчинам что-то красивое для созерцания.

Для меня всё началось после ПМВ. Германия была в хаосе, работы и еды не хватало, и многие люди выглядели подавленными и несчастными. В моем характере было всегда видеть светлую сторону, это один из даров искусства. Я происходила из хорошей семьи, которая могла меня обеспечивать и поощряла следование тому, что мне интересно. Семья нашла способы отправить меня в танцевальную школу, затем в артистическую среду. Я познакомилась с несколькими очень хорошими ранними кинопродюсерами, которые начали обучать меня тому, что я несу с собой по сей день.

Политическая ситуация в Германии была разрушительной для страны, левые вели ожесточённые уличные бои с НСДАП, что в итоге привело к национал-социалистической революции. Я стала полной сторонницей Гитлера после того, как впервые услышала его. Он был сосредоточен на возрождении Германии из трясины, в которую превратилось наше общество. Женщины в республике были не более чем игрушками: меня не раз возмущало то, как с нами обращались преимущественно еврейские кастинг-менеджеры и продюсеры. Марлен Дитрих — пример того, как женщин использовали исключительно ради сексуальных фетишей, и, к сожалению, она этим гордилась.

Я знала Гитлера и доктора Геббельса задолго до их прихода к власти, и мои работы произвели впечатление на них обоих; Гитлер заметил: «Немецкий народ будет вдохновлён вашим талантом, нам нужно больше женщин, чтобы показывать нашему народу [верный] путь». Я была весьма впечатлена тем, что фронтовик ПМВ, «настоящий мужчина», говорит мне, что у меня есть предназначение. 1933 год был большим годом, потому что мне дали крупный контракт на работу с Государственным Кинематографическим Агенством (Reichsfilmkammer - RFK), которым руководил доктор Геббельс. Это был один из самых счастливых периодов в моей жизни: я — женщина, в обществе, которое традиционно сторонилось женщин, — поднялась на вершину, чтобы снимать фильмы для Германии - я стала одной из многих выдающихся женщин в национал-социалистической Германии.

Справа – полуобнаженная Рифеншталь, сыгравшая одну из ролей в фильме 1925 года Дороги к Силе и Красоте/Wege zu Kraft und Schönheit

Таким образом, отвечая на ваш вопрос, я могу сказать, что женщины в Третьем Рейхе имели больше свободы, чем в любое другое время в истории, включая сегодняшний день. Это правда, что тех, кто хотел выйти замуж и стать матерями, очень поощряли и даже материально поддерживали, чтобы восполнить потери, понесенные в годы ПМВ. Те же, кто хотел заниматься чем-то другим или строить карьеру, не отговаривали от этого, как в прежние времена. Однако если кто-то хотел одновременно с этим иметь ребёнка, государство делало возможным совмещать и то и другое.

Спасибо. Каково было ваше впечатление о Гитлере и докторе Геббельсе?

У меня было и до сих пор остаётся очень высокое мнение о них обоих. О Гитлере — в особенности, из-за его честности и любви к нашему народу. Это проявлялось во всём, что он делал с самого начала. Могу сказать, что в многочисленных беседах с ним он был очень эмоционален в отношении своей миссии, что доходило даже до слёз, когда союзники начали бомбить наши города и уничтожать мирное население. Об этом никто больше не знает. Его любовь к своему народу и этой нации была на совершенно ином уровне, чем у политиков, находящихся у власти сегодня. Он внушал благоговение — такого я никогда прежде не видела - почти так, будто он был ниспослан с небес, чтобы спасти нацию.

Сегодня я читаю все эти рассказы о том, как он кричал на подчинённых, был безумцем и приказывал убивать миллионы. Я во всё это не верю. Человек, которого знала я, был очень внимателен к чувствам других и хотел быть уверенным, что мы, как национал-социалисты, производим прекрасное впечатление на всех, с кем встречаемся. Он был именно таким — и очень особенным лидером: нация получает такого лидера лишь однажды, к сожалению.

Доктор Геббельс был очень трудолюбивым человеком, мастером в понимании пропаганды и воли народа. Он всегда производил на меня впечатление тем, что выходил к массам и спрашивал, чего они хотят от государства. Он всегда стремился вселять надежду и гордость в немецкий народ и давать ему чувство цели. Я помню, как он любил всё художественное, как и *фюрер*, он мог бесконечно говорить о кино и о том, насколько оно может быть трогательным. Он всегда был вежлив со мной и позволял мне снимать фильмы так, как я считала нужным, редко вмешиваясь с правками. Он также ограждал меня от тех, кто не верил, что женщина должна снимать кино.

Лени Рифеншталь в компании Гитлера и Геббельса

Единственное, что мне в нем не нравилось, — его страсть к другим женщинам, в то время как у него была замечательная жена и семья. Я также виню и женщин, которые сами бросались на женатого мужчину, однако ему следовало быть более твёрдым в этом вопросе. Даже *фюреру* приходилось вмешиваться в его романы, и это не было секретом. В остальном он был выдающимся руководителем, с которым мне нравилось работать.

Я читал в книге о Вас, что во время войны с Польшей Вы стали свидетелем военного преступления и утратили веру в Гитлера. Можете рассказать об этом?

Я расскажу об этом, поскольку мне это было тяжело видеть и оставило во мне глубокий след. Это произошло во время вторжения в Польшу, когда я снимала военный репортаж. Многие сделали из этого слишком много выводов — те, кто не понимает, что такое война, или кто имеет зуб на национал-социалистическую Германию. Я и сама поначалу не поняла того, что увидела. Группа, с которой я была, стала свидетелем случившегося после боя эпизода, который, как мы думали, мог бы стать хорошим кадром для тыла, чтобы показать наш триумф. По дороге шла группа примерно из двадцати гражданских лиц под конвоем солдат Вермахта. Они остановились в поле, выстроили этих людей в ряд и на наших глазах расстреляли. Я была потрясена и разгневана. Я кричала на офицеров, которые были с нами, спрашивая, почему это произошло. Они сочли, что это не моё дело — задавать вопросы о том, что они делают, заявив, что я ничего не знаю о произошедшем ранее.

Фотография, на которой сняты немецкие солдаты, наблюдающие за расстрелом гражданских поляков. На заднем плане – рыдающая Рифеншталь…

Я сказала, что доложу обо всем *фюреру* и добьюсь их расстрела — настолько я была разгневана. Я до сих пор вижу, как кровь хлещет из их жертв; это было ужасно. Если бы эти офицеры объяснили мне, чему я только что стала свидетелем, это имело бы смысл, и я не была бы столь враждебна по отношению к ним. Я уехала со своей съёмочной группой и вернулась в Берлин. Я немедленно попросила встречи с Гитлером, рассказав доктору

Геббельсу о том, что увидела. *Фюрер* пообещал разобраться в этом деле и сказал, что получит ответы. Месяц спустя меня попросили встретиться с генералом Вермахта и несколькими его подчинёнными, находившимися в Польше. Они объяснили мне, что армейское подразделение неоднократно подвергалось нападениям со стороны гражданских лиц, в результате чего погибло несколько солдат. «В соответствии с законами войны, любое лицо, берущееся за оружие без ношения формы, подлежит казни,» - сказал он. Группа, которую я видела, была осуждена специальным судом, созданным командиром дивизии, и приговорена к смерти за убийство немецких солдат. В это же время стали поступать новости о Бромберге *(Рифеншталь имеет в виду так называемое Быдгощское Кровавое Воскресенье – ВК)*, и до меня начали доходить известия о зверствах, совершённых против немецких военнослужащих: летчиков убивали после пленения, раненых солдат казнили, немецких гражданских лиц убивали польские солдаты и мирные жители.

Эти истории, подтверждённые моими друзьями, заставили меня с этого момента смотреть на происходящее иначе. У меня всё равно не было желания возвращаться на фронт из-за этого и из-за опасности, исходившей от партизан. Те гражданские лица, которых я видела расстрелянными, были виновны в нападениях на немецких солдат и причинении им вреда, они должны были понимать, что это неправильно и может иметь последствия. Они это сделали и, к сожалению, заплатили высокую цену. В моём понимании это не было военным преступлением, и я считаю, что многие истории, рассказываемые сегодня о Вермахте, случились в таких же обстоятельствах: преступления против наших военных карались сурово, как это делали тогда в большинстве армий.

Каково было снимать такие фильмы, как Триумф Воли и Олимпия?

Это была огромная работа, но она того стоила. У нас был большой бюджет, и перед нами стояла задача создать правдивый отчёт о партийном съезде 1934 года. Я хотела сделать фильм, который использовал бы эстетику, не виданную прежде: сцены были естественными, не постановочными, что позволяло фильму говорить со зрителем и увлекать его. Я снимала и другие фильмы до *Триумфа*, но это моё высшее достижение. *Олимпия* занимает очень близкое второе место, и я бы даже сказала, что это несколько более важный фильм, поскольку он предназначался для всего мира.

Я посвятила *Олимпию* всем странам и спортсменам, принимавшим участие в Играх 1936 года. *Фюрер* просил, чтобы фильм одинаково представлял все нации, а не только Германию, поскольку он хотел, чтобы мир увидел нас справедливыми ко всем. Я стараюсь не углубляться в политику и ревизионизм, однако хочу напомнить, что мировые СМИ подняли огромный шум вокруг американца Джесси Оуэнса, который был очень популярен в Германии и завоевал золотые медали, якобы выставив Германию и Гитлера на посмешище. Правда в том, что Германия доминировала в общем зачёте, аплодировала темнокожему спортсмену и в итоге показала один из лучших результатов того времени среди всех стран. Я лично с ним встречалась, и он был очень впечатлён Германией и тем, как наше общество приняло его без предвзятости —он с сожалением говорил, что этого не случилось в его собственной стране. Истории о том, что *фюрер* намеренно не пожал ему руку, — ложь, он встречался с ним и с другими спортсменами, которые не удостоились его рукопожатия. Мировые СМИ преподнесли все не так, как было.

Можете рассказать, каково было жить в Германии во время войны?

Война — всё, что вас, молодых людей, интересует, это война. Вам бы следовало спросить о моих фильмах и жизненной философии. Однако я вам уступлю. После Польши война меня больше не интересовала: я не хотела иметь к ней никакого отношения. Когда меня просили помочь в работе киножурналу *Wochenschau*, я давала технические советы и рекомендации по съёмке, и на этом моё участие ограничивалось. После разговора с доктором Геббельсом мы решили, что лучше всего будет помочь тылу справиться с

тревогой по поводу нашего положения. Я работала над созданием новых фильмов, которые могли бы радовать людей, отвлекать их мысли от военных действий и разрушений. Мне платили за консультации по крупным киноработам, и я объездила многие киношколы и читала лекции студентам художественных направлений по всей Европе. Война была ужасной: я слышала о потерях от тех, кто лишился возлюбленных, мужей и братьев. Мой собственный брат погиб в России — это лишь усилило мою ненависть к войне. Его гибель стала для меня тяжёлым ударом, и *фюрер* разделил моё горе, встретившись со мной и выразив сожаление о том, что наша любимая Германия была втянута в столь кровопролитную войну. До сих пор я искренне верю, что *фюрер* не хотел воевать и был вынужден сделать то, что не приносило ему радости. Сегодня мир осуждает его как поджигателя войны, но я в это не верю.

Когда начались бомбардировки наших городов, я была потрясена тем, что союзники опустились до ударов по женщинам и детям. Когда после войны меня допрашивали американцы, я подняла этот вопрос. Ответ был таким: «Вы сделали это первыми, и вы лишь попробовали собственное лекарство». Я ответила: если мы действительно делали подобное, то почему, во имя всего мира, вы поступаете так же, заявляя, что боретесь за мир и свободу? *Люфтваффе* никогда не отдавало приказов намеренно убивать мирных жителей, как это делал английский *Бомбардировщик* Хэррис/*Bomber Harris.* Было крайне тяжело видеть разрушенные, некогда величавые города. Истории о потерях временами становились невыносимыми.

Запахи, стоявшие после бомбёжек, невозможно забыть; я надеюсь, что мне больше никогда не придётся испытать ничего подобного. Хотела бы добавить, что доктор Геббельс произвёл на меня впечатление тем, что выходил к людям, чтобы успокоить их и позаботиться об их нуждах. Я была в Берлине после одного особенно тяжёлого налёта - он выходил к людям, пока из зданий ещё валил дым, раздавал им еду и что-то необходимое. Это были руководители Рейха, которые не боялись помогать своему народу и подавать молодёжи достойный пример.

Каково было в конце войны?

Это разбивало сердце. Я видела, как мой народ отдавал всё в борьбе за свободу против жестокого врага. Из-за моей принадлежности к НСДАП и *фюреру* меня отдали под показушный суд, некоторое время держали в изоляции и обращались со мной очень плохо — с человеком, который всего лишь снимал фильмы. Меня сильно удивило, как с нами обращались: американцы, которых я знала в 1938 году, были не теми людьми, кто вторгся в Германию в 1945-м. Были исключения — некоторые просвещённые офицеры очень интересовались моими работами и даже, можно сказать, пытались меня очаровать. Даже шли разговоры о том, чтобы я помогла Голливуду, привнеся туда свой опыт. Но из-за моего отказа поносить *фюрера* мне было трудно получить работу в киноиндустрии. Это тянется за мной и по сей день. Из того, что я видела собственными глазами, я никогда не отвернусь от человека, который так много сделал, заботясь о своём народе. Когда высокомерные элиты говорят нам, что убийцы — герои, а герои — убийцы, мой моральный компас заставляет меня вставать на сторону того, что я считаю истиной. Я жалею, что не сделала и не сказала больше, но я хотела снимать свое кино, а пришлось подчиниться воле тех, кто ненавидит человека, о котором ничего не знали.

Я беседовал с другими людьми, которые говорили, что в конце войны союзники помещали их в лагеря. Случилось ли это с Вами?

Среди союзников были и хорошие, и плохие люди. Германия лежала в руинах, не было еды, чистой питьевой воды и лекарств. Союзники быстро завезли предметы первой необходимости для поддержания жизни, но я помню, как многие умирали от недоедания, включая детей. Американцы особенно оперативно помогали гражданскому населению, восстанавливали электроснабжение и налаживали поставки продовольствия.

Они проявляли милосердие, но они также были очень мстительными. Любой, кто состоял в НСДАП, работал в правительственных структурах, органах пропаганды или СС, попадал в лагеря для допросов. Меня допрашивали обо всех моих связях — о Гитлере, докторе Геббельсе и моих фильмах. Всё, чем я владела, было конфисковано; меня выставили как правонарушителя за помощь НСДАП. Я была возмущена тем, что люди, заявлявшие, будто освободили Германию от угнетения и террора, теперь делали то же самое, от чего, как они утверждали, нас освободили; это казалось лицемерием.

Я была в ужасе, поскольку не сделала ничего дурного, и даже думала о самоубийстве, чтобы избежать пыток и унижений. Тогда я поняла, почему доктор Геббельс поступил так, как поступил: если ты попадал в «неправильный список», жизнь становилась крайне тяжёлой. Истории, которые я слышала, заставляли сердце сжиматься: детей отбирали у матерей из-за партийной принадлежности, отцов пугали Сибирью, тем. что они никогда не больше не увидят родину. Старики, молодые, женщины, инвалиды — любой, кто служил своей нации, арестовывался и подвергался обвинениям, как обычный преступник. Это было похоже на дурной сон, где коллективное наказание за проигранную войну стало лозунгом момента.

В довершение ко всему многие американские следователи были бывшими немецкими евреями и демонстрировали вызывающую браваду, которая иногда переходила в насилие — они избивали заключённых и применяли силу. Я столкнулась с одним из таких людей, который угрожал отправить меня к русским, где, по его словам, меня ждало ещё худшее обращение, вплоть до изнасилования. Мне пришлось терпеть все это с перерывами на какое-то время до конца 1946 года. Суд признал меня «последователем» и, наконец, оставил в покое, чтобы я могла начать восстанавливать утраченное.

Я всегда спрашиваю людей о том, что они думают о преступлениях, в которых обвиняют Германию. Можете прокомментировать?

Моё личное мнение таково: всё было не так, как кажется. Меня обвиняли в использовании узников лагерей для кинопроектов и тому подобном. Я действительно с ними общалась и никогда этого не избегала, они казались сытыми и обеспеченными заботой. Они были заключёнными, да, но никто из них никогда не подходил ко мне с просьбой о помощи или жалобой. Их оставляли без охраны, и они не убегали — для меня это о многом говорит. Говорят, лагеря были адом и погибли миллионы. Я ничего подобного не видела и, откровенно говоря, в это не верю. Я знала многих офицеров СС, и ни разу об этом не заходила речь: они говорили о переселении евреев на восток, и иногда действительно приходилось вешать преступников и партизан — это было тяжело, но не прозвучало ни слова о государственной политике уничтожения кого бы то ни было. Я к тому времени делала поспешные выводы, как это случилось со мной в Польше, и считаю, что у многих фотографий, которыми сегодня доказывают преступления, есть и другая сторона.

Поэтому, хотя я очень открыта к тому, чтобы прислушаться к другим мнениям и опыту тех, кто заявляет о преследованиях, я крайне скептична и не принимаю их слова безоговорочно. Я чувствую, что многие не хотят говорить правду, а лишь продвигают свою скрытую повестку. Третий Рейх не был государством, желавшим причинять людям вред и уничтожать народы. *Фюрер* хотел лишь мира, но его лишили этой мечты — и я была этому свидетелем.

ИРЕНА РОЗЕНБЕРГ – ДОЧЬ АЛЬФРЕДА РОЗЕНБЕРГА

Интервью взято в 1983 году

Ирена Розенберг после ареста вместе с матерью, Хедвиг Крамер, 1945 год. Её мать умерла в следующем году.

Спасибо, что согласились поговорить со мной; я понимаю, что Вы никогда ни с кем не говорите о своём отце, и потому благодарен Вам за то, что делитесь этим со мной. Могу ли я спросить, что вы помните о Гитлере?

Да, вам очень повезло, молодой человек, потому что я делюсь своими воспоминаниями и мыслями только со старыми соратниками. Что я помню о *фюрере*? Вы должны понимать, что я была очень юной, почти как вы сейчас. Я родилась в 1930 году и сохранила очень тёплые детские воспоминания, выросши, если можно так сказать, рядом с его *внутренним кругом*. Я помню его добрым и жизнерадостным. Отец часто брал меня с собой к *фюреру*, а иногда он приходил к нам домой. Однажды я сидела у него на коленях и читала ему книгу сказок братьев Гримм, и он был впечатлён тем, как выразительно я говорю. Я познакомилась с Гудрун *(вероятно, речь идет о Гудрун Бурвиц, дочери Гиммлера – ВК)* на празднике, устроенном специально для детей во время важного государственного мероприятия, на которое нас не допускали.

Он всегда дарил подарки — книги, пирожные или сладости. Я это хорошо помню. Выражение его лица всегда было сосредоточенным, он внимательно слушал, что бы я ни лепетала, и всегда относился ко мне с юмором и терпением. По мере того как я становилась старше, я видела его всё реже и реже; в последний раз — уже на позднем этапе войны, в Берлине. Он спросил меня, есть ли у меня уже парень, и сказал, со слезой в глазах, что ему жаль, что война заканчивается именно так. Казалось, он извинялся за тот мир, который останется, если мы проиграем. Это произвело на меня столь глубокое впечатление, что я унесу его с собой в могилу. Это показало ту глубокую любовь, которую он испытывал к нашему народу.

Поэтому, хотя сегодня многие осыпают его презрением, я вижу в нём великого человека, который глубоко любил свой народ и был глубоко любим — до тех пор, пока навязанная союзниками «промывка мозгов» не изменила взгляды многих.

Что Вы помните о своём отце?

Он был чрезвычайно умным человеком, способным спорить на равных с лучшими умами. Он был любящим отцом и заботился о нас с матерью. С раннего возраста он поощрял меня выражать себя любым способом, поэтому я полюбила поэзию, вот тетрадь, которую он купил мне, чтобы я делала в ней записи, а ещё у меня была печатная машинка, которой я часто пользовалась. Он учил меня тому, что национал-социализм — это жизнь, это природа, это красота и всё прекрасное…

Когда я была маленькой, я помню, как он возвращался домой после рабочего дня - я играла с его фуражкой и примеряла его сапоги. Он читал мне сказки перед сном, а позже, когда началась война, говорил со мной уже как со взрослой, объясняя, что происходит в мире и почему Германия воюет. Это приносило мне утешение, так как многие были в страхе из-за бомбардировок Берлина, и потом я делилась его заверениями со своими друзьям, жившими по соседству. Он любил готовить вместе с матерью, и часто это были блюда, характерные для ресторанов разных стран мира. Особенно он любил французскую и русскую кухни, иногда с немецким оттенком. За столом у нас велись оживлённые беседы обо всём: от религии и истории до танцев и поэзии. Я также полюбила лошадей; он водил меня смотреть на лошадей, принадлежавших его товарищам, и меня учили верховой езде.

Мне было тяжело видеть отца, когда он оказался в заключении. Его пытали и унижали охранники союзников, я видела синяки и порезы, откуда текла кровь. Охранники издевались и надо мной, как будто я была не человеком: один солдат так сильно схватил меня за ягодицы, что оставил большой синяк. Моей матери тоже причиняли зло. Мы плакали от обиды за отца, зная, что он - невинный человек, преследуемый, как и другие.

Он был одним из основателей НСДАП, и *фюрер* считал его своим другом и учителем. Немногие мужчины могут этим похвастаться.

Вы не верите в то, что Ваш отец был виновен в тех преступлениях, в которых его обвиняли?

Ни в малейшей степени. Я хорошо знала своего отца - он был очень справедливым человеком и даже рассказывал о евреях в Берлине, которых оставляли в покое, поскольку они не представляли угрозы и соблюдали законы. Говорят, что он приказывал убивать людей на востоке, но всё, что я когда-либо видела или слышала, это то, как он подчёркивал необходимость относиться к ним как к друзьям и собратьям-европейцам. Он родился в Эстонии, в немецком анклаве, где многие немцы чувствовали себя как дома. Он любил восточные народы и гордился многочисленными добровольцами, которые помогали нам в борьбе.

Из разговоров за ужином я знала, что евреев переселяют на восток, чтобы вывести их из Европы, однако было ясно, что отдавались приказы обращаться с ними хорошо. Он иногда говорил, что нужно быть осторожными, чтобы не оскорблять и не вызывать гнев у тех, кого вынуждали переселяться. Я помню, что у нас дома даже побывал еврейский профессор, который беспокоился за друга, отправляемого на восток - мой отец остановил это и позволил ему эмигрировать в Швецию, несмотря на то что тот критиковал *фюрера*.

Мой отец всегда возвращал подарки, которые присылали ему люди с оккупированных территорий. Если бы он был таким плохим, стали бы люди дарить ему подарки? Их было много. Во время его пребывания на востоке производство росло, и он использовал немецкие ресурсы, чтобы помочь русским восстановить то, что разрушили их марксистские хозяева. Его даже хвалили за открытие церквей и финансирование их восстановления. Тысячи и тысячи русских рабочих приезжали в Европу, получали образование, высокооплачиваемую работу и жильё. Как можно назвать это порабощением? Я знаю, что после войны им пришлось утверждать обратное, чтобы их не назвали коллаборационистами, которым грозила смерть. Мой отец был великим человеком, исключительно умным и любящим. Он не был виновен ни в чём из того, что лживые союзники ему приписывали. Многие защищали его после войны, но, к сожалению, другие отвернулись от него.

Адольф Гитлер поздравляет Альфреда Розенберга с днём рождения, 1938 год. Гитлер прибыл днём в дом Альфреда Розенберга (справа) на Райнхабен-аллее, чтобы поздравить его с 45-летием. Слева стоят адъютант Вильгельм Брюкнер (Wilhelm Brückner) и Юлиус Шауб (Julius Schaub). Маленькая девочка на фото — семилетняя Ирена Розенберг.

Я читал, что он был резко антихристиански настроен и ненавидел Церковь, даже хотел убрать Библию и всё, что связано с Богом. Это правда?

Это трудная тема для разговора. Прежде всего, мой отец действительно начинал как антихристианин. Это проявилось ещё сильнее после смерти его первой жены, которая стала для него тяжёлой травмой. Он считал, что нет доказательств существования Бога и что вера в него — проявление слабости. Хотя я признаю, что не знала всех деталей

религиозных взглядов моего отца, я знаю, что во время войны он изменился и пришёл к убеждению, что Иисус был арийского происхождения.

Начну с того, что национал-социализм — это европейская идея. Его базовые убеждения заключаются в том, что мы связаны с законами природы и с тем, кто дал нам эти законы. Древняя мудрость говорит, что Библия служила европейцам на протяжении двух тысяч лет, тогда как евреи её отвергли. Национал-социалистическая идеология утверждает, что Библия была искажена и оторвана от своего первоначального замысла. Именно поэтому мой отец и другие занимали столь жёсткую позицию против Библии в том виде, в каком её проповедуют сегодня. Содержащееся в ней послание использовалось как оружие против наших народов, для разрушения расовых идей.

Как знает Гудрун, её отец верил в то же, что и мой отец, и пришёл к тем же выводам. Возможно, Библия изначально была написана о народе, для народа и ради народа, называвшегося израильтянами. Сегодня этот народ отождествляют с евреями. Мой отец начал понимать, что, возможно, эти люди, которые, как ему казалось, несут с собой ненависть и зло повсюду, не были теми же самыми людьми, о которых говорится в Библии. Он видел, что религия превратилась в оружие против нас, и многие естественным образом восстали против этого. Я не понимала всего этого, когда была моложе; лишь после окончания войны я по-настоящему начала искать, во что верил мой отец.

Я помню, как изучала Лютера и многих других, но это порождало больше вопросов, чем ответов. Как и мой отец, я обратилась к изучению доступных оригинальных текстов *Писания*. Меня всегда мучил вопрос: если всё это правда, то как это произошло, должен был быть момент во времени, когда случилась эта «кража», но я так и не смогла его найти. Однажды, когда я читала Вторую книгу Царств, меня словно ударило. Древние израильтяне были изгнаны со своих земель и рассеяны по территориям нынешней Индии, Китая, Ирана и Европы. *Аненербе* находило в этих регионах европейские мумии со светлыми волосами и глазами. Люди, которые пришли на эти земли позже, были предками современных евреев, людей с более тёмными чертами лица из-за «испорченных кровных линий». Они были впечатлены технологиями и духовностью израильтян и захотели перенять элементы их культуры, привлекая коррумпированных израильских жрецов, чтобы те учили их. Со временем эти люди узурпировали идентичность древних израильтян, тогда как рассеянные утратили свои старые традиции, а евреи приняли новые, смешанные с Талмудом. Спустя много лет древние израильтяне начали постепенно возвращаться на старые земли, которые уже находились под контролем и влиянием людей не израильского происхождения. Христос пришёл в общество такого типа, но его родители были израильского, или арийского, происхождения.

Сегодня люди склонны думать, что раз в этих землях живут темнокожие народы, значит, они были там всегда, но это неверно. Евреи участвовали в переводе части Библии, когда несколько сотен лет назад пришли в Европу. Они, как утверждается, следили за тем, чтобы менялись слова, например, слово «еврей»: якобы правильнее было бы говорить «иудеянин», поскольку оно в основном описывает любого жителя Иудеи, а в разные времена это могли быть представители разных рас. Это стало, вероятно, самым запутанным словом в Библии — по замыслу злых людей. *Писание* переводилось так много раз, что ошибки были неизбежны, часть из них была сделана преднамеренно.

В завершение скажу, что мой отец был скорее против современной Церкви, но у него не было желания избавить Германию от христианства. Напротив, он знал, что эта вера стала основой всех европейских наций, и именно на этой основе мы сохранили бы своё величие. Он лишь хотел возвращения к подлинным идеям Лютера и ранней Церкви — без какого-либо еврейского влияния.

Могу ли я спросить, каким для Вас был конец войны?

Как можно описать тот ужас, боль и страдания, которые я видела? Мы были вынуждены оставаться в Берлине, так как там находились те, кто служил под началом моего отца. Мне пришлось пережить бомбардировки - мы в основном сидели в нашем подвале, который имел укрепленные перекрытия. Иногда после налёта стоял ужасный запах, я видела мёртвых и раненых, и их крики до сих пор преследуют меня. Это были женщины и дети, по которым, как я считала, наносили удары союзники. Мы эвакуировались из Берлина с приходом русских - город был лишь тенью самого себя.

Мы направились в южную Германию; дороги и железные пути были забиты людьми самых разных национальностей, пытавшихся спастись от зла, которое надвигалось. Я встретила семью из Прибалтики и говорила с ними; они рассказывали о русских зверствах и предупреждали меня не попадать к ним в руки. Мы добрались до союзников, и сначала с нами обращались более-менее сносно, хотя есть и пить было почти нечего; однако выживание часто использовалось как средство принуждения к разврату. Многим женщинам приходилось это терпеть, чтобы прокормить своих детей. Зло опустилось на людей.

Когда выяснилось, кто мы такие, союзники арестовали меня и мою мать. Нас оскорбляли, лапали и угрожали всеми возможными способами. Я понимаю, почему многие покончили с собой и со своими детьми, чтобы избежать этого. Одного охранника даже отчитали за то, что он сказал мне: если я пересплю с ним, он поможет мне сбежать - я отказалась и пожаловалась командиру. После этого обращение немного улучшилось. Однако охранники всё равно оставались свиньями и злыми людьми. Их жёнам было бы за них стыдно.

Мы узнали, что моего отца перевели в тюрьму, где содержали важных людей. В конце концов нас разрешили освободить, кажется, по приказу Паттона. Если я правильно помню, он приезжал к нам и был возмущён тем, как с нами обращались. Он распорядился освободить всех членов семей и извинился за отношение к нам. Нам не позволили увидеться с отцом так, как мы хотели. Он сказал мне быть сильной и что ему предстоит принять свою судьбу как национал-социалисту — и он сделает это с честью и чистой совестью. Он был убеждён, что ложь, которую распространяли союзники, однажды будет разоблачена.

Мы плакали в тот день, когда победители войны отомстили невиновным людям. Это — пятно на тех, кто стал предателем и согласился с утверждениями союзников. Я знаю, что они лишь пытались спасти свою шкуру, но они навсегда потеряли честь. Я, как и все немцы, была вынуждена смотреть фильмы союзников о лагерях, и никто не осмеливался говорить правду, потому что мы знали, чем это грозит. Одна женщина плакала, и у неё случился нервный срыв после просмотра одного из таких фильмов. Ни у кого не хватило смелости сказать ей, что это пропагандистские ленты, призванные оправдать войну против нас — за такие слова можно было получить тюремный срок.

Как Вы думаете, каким станет будущее?

Каждая религия говорит о времени, когда всё, что мы знаем, закончится, и, что удивительно, все они сходятся в том, что это будет восстание, а затем наступит судный день. Злые люди и идеи будут разоблачены и уничтожены - я вижу, как это начинает принимать форму уже сейчас. Контролируемая евреями пресса продвигает всякого рода извращённые идеи — и это хорошо. Мы должны видеть, кто наши враги: теперь они выходят из-за закрытых дверей. В будущем мы увидим чёткую грань между теми, кто несет добро, и теми, кто нет, между теми, кто работает на естественное благополучие своего народа, и теми, кто стремится разрушить естественный порядок. Эти границы иногда будут размываться, поскольку церковь будет становиться всё более коррумпированной, но законы Бога живут в наших сердцах и никогда не будут полностью изгнаны из людских душ. Его народ однажды снова увидит, кто он есть.

Церковь восхваляет тех самых людей, которые стремятся разрушить саму скалу, на которой она была построена; это предсказано в Библии: мы приняли новое имя — христиане, а евреи используют наше старое. Однажды истина станет известна всем, и для тех, кто сделал это с нами, буду сведены счеты.

ЛИНА ГЕЙДРИХ (LINA HEIDRICH, 1911-1985)

Это очень редкое интервью 1981 года, проведённое в Западной Германии с Линой Хейдрих. Лина была преданной женой Рейнхарда Гейдриха и убеждённой поборницей идей национал-социализма. Она вступила в Национал-Социалистическую Рабочую Партию (НСДАП) вскоре после того, как услышала выступление Адольфа Гитлера в 1929 году, и вскоре познакомилась с Гейдрихом. Она оказала большое влияние на своего мужа и даже привела его в СС…

Я хотел бы задать Вам несколько вопросов о том, что вы помните о Третьем Рейхе, войне и вашем муже Рейнхарде.

Да, да, спрашивайте. Я готова говорить с вами и рассказать то, что помню.

Я понимаю, что вы были одной из ранних участниц движения и поощряли вступление своего мужа в СС?

Да. У меня был брат, которого тревожило то, во что превращалась наша нация, и национал-социалисты имели свое видение [сложившегося положения] и ответы на то, как спасти Германию. Он поощрял чтение [национал-социалистической] литературы и рекомендовал сходить на выступление Гитлера. Я лично встретилась с ним и была очень впечатлена. Я знала, что то, что он говорил, было правильным. Это правда, что я вступила в НСДАП, и когда я познакомилась с моим будущим мужем, я поощряла его сделать карьеру в СС.

«Красные» в Германии в основном возглавлялись евреями и были очень жестоки по отношению к ранним партийцам; они поджигали дома, нападали на бойцов СА, убивая многих. У меня тоже были с ними столкновения: они пытались добиваться увольнения партийцев с работы, преследовали и угрожали. СА приходилось проявлять жесткость, чтобы противостоять этому, и они хорошо справлялись, поскольку большинство из них были бывшими солдатами и умели драться. СС были созданы для защиты ораторов от нападений — эти толпы приходили срывать выступления и собрания.

Лина и Рейнхард Гейдрих в молодости

Что Вы помните о Гиммлере?

Рейхсфюрер СС Гиммлер был мечтателем, у него было видение великого нового мира — мира, в котором германские народы были бы в безопасности и защищены. Я помню, что он был очень добрым человеком и всегда проявлял интерес к тому, чтобы жёны и семьи его подчиненных были хорошо обеспечены, особенно если последние погибали. Он создал организацию, которая была благородным рыцарским орденом храбрых, честных и верных людей. Единственное, что меня огорчало, — его брак: он был в нём несчастлив и искал утешения у своей красивой молодой секретарши. Впрочем, это, похоже, распространено во всех обществах, особенно сегодня. Он поддерживал добросердечные отношения со своей первой женой и относился к ней очень хорошо.

Он понимал, что ведётся война против германской расы, и посвятил себя тому, чтобы остановить это и возместить нанесённый немцам ущерб. Мне очень нравилось слушать

его, знакомиться с его идеями и видением того, каким был бы мир, если бы Германия выиграла войну… Если бы это произошло, сейчас мы жили бы в совершенно ином мире.

Как именно?

Гиммлер понимал, что существует народ, который мы называем евреями, и что он активно пытается разрушить кровные линии арийских народов через смешение рас. Они ведут эту войну уже несколько тысяч лет, а наши люди совершенно не осознают, что она продолжается. «Интеллектуалы» сегодня изображают расу так, будто она не имеет значения, а любого, кто защищает сохранение чистоты расы, объявляют носителем зла. СС хотели, чтобы германские народы Европы жили жизнью, в которой их раса была бы всем, а выживание — гарантированным.

Именно поэтому так много европейцев пришло в СС: они понимали, что еврейский марксизм представляет собой растущую опасность и стремится использовать невежественные массы, чтобы, образно говоря, заставить их совершить самоубийство. Он превращает людей в рабов системы, а затем, когда они становятся беззащитными, их вынуждают принимать все расы в своё общество, что в итоге приводит к вытеснению и замещению. Это и была миссия СС — избавиться от этого образа мышления и дать нациям множество здоровых европейских детей. Это не означает убийство дефектных людей, как утверждает кто-то, это означает селективное размножение — заботу о том, чтобы партнёр был здоров и свободен от дефектов. Это гарантирует здоровую кровную линию, которая облегчает жизнь всем. Было печально посещать санатории, куда дефектных детей просто сдавали как нежелательных из-за безответственных родителей, не задумывавшихся о последствиях зачатия.

Ваш муж тоже верил в это?

Да. Мы выросли в мире, где о судьбе крови Европы никто особо не задумывался: считалось само собой разумеющимся, что нашим кровным линиям ничего не угрожает. Первая война показала, что это возможно, и некоторые забили тревогу в связи с тем, что святая кровь Европы должна быть защищена от внешнего влияния евреев и тех масс, которые они приводят в страны, где селятся. Мой муж ясно это видел и полностью соглашался с рейхсфюрером СС Гиммлером в этом вопросе. Ему было жаль детей, которых он видел, и он настаивал на просвещении в области генетики и осознанного выбора при рождении детей. К сожалению, не каждый достаточно здоров, чтобы приносить в мир здоровых детей, когда дети рождаются неполноценными, народу приходится страдать, заботясь о них. Поэтому несправедливо обременять свой народ из-за неконтролируемых желаний. Генетика — это всё для здорового народа.

Если позволите, я задам трудный вопрос: я читал, что Вашего мужа убили потому, что он был очень жесток с народом Чехословакии. Считаете ли Вы это правдой?

Нет, на самом деле всё было наоборот. Я была там, и, хотя мой муж никогда не посвящал меня в свои дела, я видела, как обращались с людьми и как они себя вели. Когда моего мужа назначили протектором, это означало именно то, что говорит само это слово — защищать. Придя на эту должность, он был огорчён тем, что национал-социалистическая Германия была добра к другим народам, но к чехам относились не совсем так же, поскольку их прежние лидеры были настроены антигермански.

Он начал менять это, распорядившись улучшить пайки, условия труда, ввести оплачиваемые отпуска и поездки, ослабить контроль и обеспечить лучший доступ к нему. Он хотел, чтобы люди были заинтересованы в помощи Германии в войне, и заверял их, что их голоса будут услышаны. Это сработало: производство резко возросло, а саботаж исчез. Большая ложь — утверждать, что его убили за жестокость, в действительности его убили потому, что он был слишком хорош и людям он нравился. Союзники, санкционировавшие

убийство, ухватились за возможность устранить высокопоставленного чиновника, что противоречило правилам войны. Коммунистов обучили англичане и отправили на задание.

Поток скорби и поддержки со стороны жителей Праги неоспорим: длинные очереди пришли проститься. Стали бы они делать это, если бы он был «палачом», как утверждают победители? Я могу вспомнить множество проявлений сострадания и благотворительности, которые мой муж оказывал людям, он всегда хотел показать хороший пример того, чем является национал-социализма на практике. Я помню историю, которую он мне рассказывал: в 1939 году один поляк изнасиловал дочь чешских родителей. Его арестовали, но судили по польским законам и посадили в тюрьму. Чешская семья пришла к моему мужу и попросила, чтобы он понёс наказание в соответствии с немецкими законами, поскольку Германия контролировала территорию, где произошло преступление. Мой муж рассмотрел дело и затем приказал полиции, действовавшей в том районе вывезти и казнить насильника согласно немецкому законодательству. Семья поблагодарила его, принеся цветы и подарки, и сказала, что их дочь больше не живёт в страхе о того, что напавший на нее человек всё ещё жив.

А как насчёт Лидице и всех смертей, которые произошли после того, как его убили?

Я никогда не слышала это название до войны, насколько я понимаю, в Чехословакии существовала небольшая группа сопротивлявшихся немецкой власти людей, которых вы называете партизанами. Часть их перебралась в Англию, чтобы получить деньги и все необходимое для покушения, и всё привезённое они хранили в Лидице. Все жители деревни знали, что они там находятся и чем занимаются. Им обещали, что союзники придут на помощь и немцы скоро уйдут.

Жители деревни незаконно помогали им и укрывали их. Никто не сообщил в полицию: они позволили прятать в домах оружие и средства связи. Они стали *фран-тирёрами*, пассивно или активно помогая незаконной антиправительственной деятельности. Мужчин расстреляли, женщин отправили в тюрьмы. Немецкая полиция сталкивалась с суровой реальностью наличия терроризма на Балканах и в прифронтовой полосе. Меры должны были быть жёсткими, чтобы предотвратить новые нападения и наказать виновных. Скажу вам то, что слышала от других эсэсовцев: террористы, с которыми они боролись, были садистскими убийцами, часто казнившими невинных, чтобы произвести эффект. Меня сегодня удивляет то, что этих людей теперь называют героями, в их честь называют парки и улицы. Если бы мир знал правду, их бы презирали и осуждали.

Ваш муж разделял взгляды рейхсфюрера СС Гиммлера на религию и язычество?

Если я правильно понимаю вопрос — думал ли мой муж так же, как Гиммлер, когда дело касалось религии? Скажу так: мой муж был христианином и эсэсовцем, и я постараюсь объяснить. СС были организацией, в основании которой лежали любовь к своему народу, почитание прошлого и уважение к нашим истокам. Один из вопросов, которому рейхсфюрер СС Гиммлер посвящал часы размышлений, был следующим: откуда мы произошли? Почему почти весь мир был завоёван и находился под влиянием одной расы людей? Что делает эту расу такой особенной? Именно для изучения этого и была создана организация *Аненербе*, и поэтому СС ее поддерживали.

Я надеюсь, что когда-нибудь экспедиции *Аненербе* будет уделено заслуженное внимание. До меня доходили слухи об арийских мумиях на Востоке, в Египте, Америке и по всему миру. Они датируются более ранним временем, чем история так называемых коренных народов. СС хотели доказать, что наша раса имела истоки, по-видимому, в районах Персии, а затем распространилась по всему миру. Связь с языческими символами — это лишь проявление уважения к предкам, пришедшим в Европу и создавшим великие, развитые цивилизации. Германские народы являются движущей силой почти всех великих открытий, поэтому мы чтим их символы как часть нашего прошлого.

Сегодня в Германии церкви распространяют ложь о том, что СС ненавидели религию и преследовали церковь — это неправда. Существовала странная связь между языческим прошлым Германии и её христианским настоящим. Некоторые в СС хотели следовать только прошлому и отвергали христианство как еврейскую сказку. Однако рейхсфюрер СС Гиммлер задавал вопрос: а возможно, что евреи сегодняшнего дня — не те люди, о которых говорит Библия? Возможно, это лжецы и обманщики, укравшие идентичность истинной великой расы Творца.

СС не были антирелигиозными — мы часто посещали церковные службы, почти все эсэсовцы это делали. Мы выступали против еврейского влияния на нашу религию и историю, именно об этом предупреждал Мартин Лютер — о попытках евреев захватить раннюю церковь и повлиять на нее. Мой муж спорил с некоторыми прихожанами, которые не могли этого понять: для них еврей был избранным, защищённым народом, которого Творец ставил выше всех, независимо от того, насколько злым он был. Какое безумие — считать, что такой уродливый и ненавистный народ может быть избранным?

Вы поддерживали связь с бывшими товарищами по СС?

Да, СС всегда заботился о своих, насколько это возможно. У моего мужа были очень преданные друзья и товарищи. Его очень любили за доброту и прямоту. Я понимаю, что с ним иногда было трудно работать, но его всегда уважали. Я оказывала поддержку любому бывшему эсэсовцу, который в ней нуждался. У моего мужа была гостиница на Северном море, и я принимала там многих товарищей. Я считаю, что её сожгли из-за политических соображений.

Я до сих пор поддерживаю связь со многими друзьями моего мужа, но, к сожалению, время всё чаще уводит их в иной мир. Меня всегда поражало, сколько людей оставались верны национал-социализму и Гиммлеру даже тогда, когда союзники сделали это преступлением, каравшимся смертью. Даже сегодня существует крепкая связь, которую угрозы и ненависть не могут разрушить. *Фюрер* гордился бы тем, как много людей осталось преданными национал-социализму и нашей вере в него.

Как закончилась война для Вас?

Ужасно, это одно из моих худших воспоминаний. Иногда я рада, что мой муж не увидел падения того, что он помогал построить и любил. Фюрер предоставил моей семье поместье после убийства моего мужа. В конце войны наступали красные, и меня предупредили о страшных зверствах, поэтому я бежала вместе с другими. Было страшно: самолёты обстреливали беженцев, а у меня были дети. Партизаны также были повсюду, так как армия полностью развалилась, - эти банды убили многих солдат. Мне повезло добраться до Рейха, но союзники арестовали меня как жену военного преступника. Меня высмеивали и травили бывшие немцы, которые бежали и вернулись как переводчики или охранники союзников — такой был мой опыт.

Меня заставляли смотреть фильмы о лагерях, и я была шокирована тем, что увидела, однако один врач СС объяснил, что союзники, из-за срыва поставок в лагеря, косвенно стали причиной гибели заключённых. Грязные заключённые с востока заразили лагеря в конце 1944 г. - начале 1945 г., и в результате появился тиф, который даже союзники не могли взять под контроль. Они использовали пропаганду, чтобы люди поверили, что была государственная политика уничтожения, и это якобы было доказательством. Они утверждали, что мой муж всё начал, но я знала, что он был неспособен на это. Он не любил большую часть евреев, говорил, что их следует переселить туда, откуда они пришли, чтобы во всём мире был мир, но никогда никого не убивал.

Ваш муж когда-либо не соглашался с Гиммлером?

О, да. Бывали случаи, когда он выражал своё мнение по отношению к некоторым идеям рейхсфюрера СС о браке, религии и ведении войны. В основном они соглашались и разделяли одни и те же убеждения. Однако рейхсфюрер СС Гиммлер очень нервничал, когда мой муж, например, за ужином не хотел слушать его идеологические речи. Он всегда хотел перевести разговор на музыку или что-то радостное.

Как я уже говорила, рейхсфюрер СС был мечтателем и визионером; он хотел, чтобы все понимали его планы по обеспечению существования Германии, а значит, и германской культуры. Гиммлер верил в реинкарнацию и думал, что он — король Генрих, и мой муж считал это возможным. Никто на самом деле не знает, что принесёт следующая жизнь, поэтому иногда полезно мечтать.

Лина Гейдрих и ее сыновья Клаус и Хайдер на панихиде по убитому мужу и отцу. 7 июня 1942 года

ИНТЕРВЬЮ С ХЕДВИГ (ПОТТХАСТ) ШТЭК [HEDWIG (POTTHAST) STAECK, 1912-1994], ЛИЧНЫМ СЕКРЕТАРЕМ ГИММЛЕРА, 1988 ГОД

Спасибо, что позволили нам с Вами встретиться. Как мы обсудили ранее, я хотел бы спросить, каково было жить во времена Третьего Рейха?

Да, вам, я уверена, уже сказали, что вы можете спрашивать, а что нет. Я обычно отказываюсь говорить с кем-либо о прошлом: оно уже ушло и должно там оставаться. Я потворствую вам, как вы знаете, потому что друзья попросили меня поговорить с вами, так что я согласилась. Мне в Рейхе при национал-социализме жилось очень хорошо, за исключением военного времени. Я помню, что была счастлива и беззаботна: я получила образование финансиста в университете и получила очень хорошую работу, которая затем привела меня на службу в полицию. Жизнь тогда была хорошей, цены — нормальными, зарплата — приличной. Я жила в Берлине, который был одним из лучших городов Европы.

Берлин раньше был столицей, пока его не разрушили и не разделили на секции. Там были места, где можно было насладиться жизнью и природой: пляжи, зоопарк, сады, еда в изобилии. Молодая девушка могла легко потеряться в городе: всегда было куда пойти или чем-нибудь заняться. Моя квартира была близко ко всему — можно было ходить по магазинам, смотреть фильмы или посещать спа. Понимаете, это было совсем не так, как сегодня: всё было очень чисто, безопасно и упорядоченно. По сравнению с тем, что я видела и знала о Веймарской эпохе, это было ее полной противоположностью. Преступность устранили, появлялась гордость — гордость за себя и за нашу нацию.

Национал-социалистическое государство создавало атмосферу любви, чести, творчества и любознательности. Я всегда слышала, что во времена Веймара женщинам говорили не быть матерями, считая это ниже их достоинства. В национал-социалистической Германии женщины и матери занимали высокий статус. Многие мои подруги впоследствии родили много детей.

Можно спросить, как Вы оказались в штабе рейхсфюрера СС Гиммлера?

Я работала в государственной полиции, печатала жалобы на подозреваемых и материалы официальных расследований. Я работала очень точно и эффективно, поэтому получала хорошие отзывы о своей работе. Мою внимательность заметили преподаватели бизнес-школы и дали хорошие рекомендации. Думаю, слух об этом дошел до рейхсфюрера СС, и позже он объявил о вакансии личного секретаря с хорошей зарплатой. Меня спросили, интересно ли мне это, и я согласилась: я была амбициозна. Меня пригласили на собеседование, и мне предложили работу. С этого момента круг моих обязанностей стал расти по мере приобретения опыта.

Можно спросить, что Вы подумали, когда впервые встретились с Гиммлером?

О, да вы хитрец, дорогой мой. Я скажу вам: он был очень профессионален и корректен. Сначала он был строг и внимателен, следил, чтобы всё делалось правильно. После того как он увидел мою работу, он немного расслабился. Он был главным полицейским, а также

главой СС. Организация СС была его главной страстью, но он также был человеком закона. У него было очень хорошее чувство порядка и понимание, что правильно, а что нет. Я могу сказать о нём несколько вещей. Он прогонял вопросы в голове, вслух обсуждал их и искал решения. Всегда думал: если мы позволим это один раз, что случится в будущем? Можно сказать, что он был одержим своей работой и всегда хотел, чтобы всё было организовано именно так. По мере того как мы привыкли друг к другу, он часто спрашивал моё мнение.

Он был очень хорошим руководителем, всегда устраивал обеды для персонала или поездки, чтобы мы могли расслабиться после трудной недели. Нельзя сказать о нём или о работе с ним что-то плохое. Я помню случай, когда одна из девушек из персонала упала и сломала лодыжку, он отправил своего водителя забрать её из больницы, а когда она смогла носить гипс, он подвозил её на работу в течение нескольких недель. Она была счастлива, ведь она выглядела как человек высокого полета и ее приветствовали те, кто интересовался, что это за женщина. Он также знал многих офицеров СС по имени и всегда посылал личные поздравления по важным датам. Мы печатали их и отправляли по почте после его утверждения.

Он всегда заставлял нас делать упражнения на открытом воздухе: растяжку, забеги, бросание мячей. Физическая форма была очень важна в то время.

Вы встречались со многими высокопоставленными офицерами СС или партийными лидерами?

Да, дорогой, я встречала их всех. Я была его личным секретарём, так что куда он ехал — туда ехала и я. Я лично видела каждого генерала СС, каждого гауляйтера и партийного руководителя. Я познакомилась со многими жёнами этих людей и подружилась с ними, эти отношения сохранились до сегодняшнего дня.

Мне сказали, что Вы встречались с Линой [Гейдрих] до её смерти…

Сразу после войны мы держались очень сплочённым кругом, чтобы защитить себя и наших детей. Во времена оккупации плохо приходилось всем, кто в прошлом работал в правительстве, если только ты не говорил дурные вещи о Фюрере, но мы не стали поддаваться давлению извне.

Могу я спросить, каковы были взгляды рейхсфюрера СС Гиммлера на религию? Я читал, что он ненавидел Бога и хотел сжечь все церкви.

Тогда позвольте мне спросить вас: почему же союзники разрушали наши церкви, которые стояли сотни лет? Я видела квитанции, согласно которым фонды СС помогали перестраивать и восстанавливать древние места поклонения. Должна сказать, он вовсе не сжигал церкви: он активно интересовался сохранением их исторического значения и культуры для нашего народа. Скажу так: он не был поклонником Церкви, и я имею в виду это в смысле, который вы, возможно, поймёте. Он считал, как и Гитлер, что церкви в Германии стали похожи на кости стариков — сломанные и искривлённые. Их использовали как инструменты для разрушения нашей расы и самих основ наших наций.

Не все из них были такими, но большинство. Именно поэтому была создана церковь *(движение – ВК)* Немецкие христиане, чтобы противостоять современному представлению о Боге как о Боге всех рас и культур. Он всегда говорил мне: «Бог, возможно, создал расы, но Он сделал их различными, отдельными и дал каждой расе свой способ поклонения». Он проявлял огромный интерес к истории человечества и европейцев. Он финансировал организацию *Аненербе*, которое отправляла экспедиции, чтобы найти ответы на вопросы о сотворении. В этом не было ничего зловещего, и Церковь даже поддерживала это. Он был глубоко погружён в наше германское прошлое и в символы, оставшиеся от него. Германия была ими наполнена, и ему нравилось воздавать им почести.

Могу ли я спросить о преступлениях, которые, как утверждается, совершали СС, и о лагерях — верите ли Вы во всё это?

Я поклялась никогда ни с кем об этом не говорить, поэтому мне, по сути, нечего сказать. Но позвольте сказать вам вот что: я была его секретарём, я видела всю переписку. Я зачитывала ему отчёты из множества лагерей, которые тогда существовали. Я видела подробности репрессий в Польше и других местах против убийц немецких солдат и гражданских лиц.

Никогда не было ничего такого, что заставило бы меня думать, будто происходит нечто зловещее. Он даже жаловался мне, что ему не нравится то, что происходило с евреями в России, он говорил, что многие погибли в погромах, которых можно было избежать. Он считал, что это лишь поощряло евреев и их союзников выступать против наших идеалов. Я слышала, как он жаловался, что некоторые коменданты лагерей не выполняли приказы и допускали жестокое обращение с людьми. Я читала письмо, которое один заключённый прислал из Дахау, жалуясь, что другие заключённые издевались над ним и воровали у него. Он был католиком, которого поймали за печатанием антинационал-социалистических листовок в Польше. Рейхсфюрер СС освободил его под условный арест. Это не действия человека, пытающегося совершать ужасные вещи. Я больше не буду говорить с вами об этом, но знайте: я не верю тому, что говорят о нём его противники. Я знала этого человека, и он был добрым, с чистыми сердцем и совестью. То, что кто-то рассказал историю, ещё не делает её правдой. Доказательства, которые нам предъявили в конце, я считаю в основном сфабрикованными или неверно истолкованными.

Могу ли я спросить, как с Вами обращались в конце войны и после неё?

Да, можете, обращались плохо. Я была с детьми, жила среди других жён, которые пытались защитить свои дома и семьи. Союзники были очень мстительными: они позволили коммунистам и евреям, покинувшим Германию, вернуться. Поскольку они говорили по-немецки, они допрашивали многих людей с применением жестоких методов, заставлял их бояться за свою жизнь. Меня арестовали и увезли, так как я была секретарём рейхсфюрера СС, они хотели узнать, что мне было известно. Я рассказала им всё, что знала, но они мне не поверили и угрожали всевозможными наказаниями за якобы ложь. Они спрашивали, знала ли я о лагерях — конечно, знала. Они хотели, чтобы я сказала, будто знала о том, что в них убивали людей. Я говорила лишь, что знала о бомбардировках Нордхаузена, Бухенвальда и других лагерей ими самими, в результате чего погибли многие сотни заключённых. За это меня били.

Они показывали мне документы, которые не были должным образом проведены по инстанциям, поэтому я понимала, что они сфабрикованы. Я видела неверные печати и [сфальсифицированные] подписи. Мне было страшно из-за того, что они могли со мной сделать, но друзья сумели передать мне следующее: говори правду и не соглашайся с их обвинениями — и всё будет в порядке. Если ты не соглашался с их версией событий, у тебя не было будущего в Германии. Многие подвергались насилию и издевательствам со стороны этих хулиганов, которые добивались показаний, чтобы доказать чью-то вину. Мы чувствовали себя одинокими и очень тревожились за то, что будет с нами и нашими детьми. Мне повезло, что у меня были друзья, которые помогали и обеспечили защиту, когда меня перестали преследовать. В конце концов я сосредоточилась на воспитании детей и позже встретила своего мужа.

Если позволите, каковы были взгляды Гиммлера на войну?

Он ненавидел её: он презирал утрату человеческих жизней и культуры, которую принесла война. Я помню, как он был очень разочарован в 1939 году, главным образом потому, что войну с Британией не удалось предотвратить. У него там было много контактов среди

людей, которые хотели союза с нами, чтобы остановить большевизм. Он пытался добиться мира до последней возможности.

То, что говорили о нём его враги, — ложь: он руководил удалением некоторых людей, которых считали угрозой для Европы на восток. Их должны были удерживать там до исхода войны, а затем переселить в Палестину. Даже некоторых из его ближайших соратников в конце концов заставили выступить против него в связи с этим — вы знаете об этом. В нём не было ненависти ни к кому, он лишь хотел защитить наш народ от скрытого разложения, которое долгое время его подтачивало. У него было видение очень светлого будущего, обеспечивающего вечное существование. Он жаловался мне, как тяжело ему было видеть, как погибает столько хороших людей, и как трудно ему было отдавать им последние почести. Он возлагал вину за войну на ее поджигателей, на людей, которые хотели уничтожить национал-социалистическую Германию и имели союзников, действовавших изнутри. 20 июля, по его словам, разоблачило некоторых из них. Они не получили той власти, которой хотели, и потому решили уничтожить то, чему завидовали. Он критиковал и генералов — за неповиновение приказам и за то, что они мешали *фюреру*. Теперь, говорил он, они пишут свои мемуары так, будто были великими полководцами, а Германию разрушили *фюрер* и его СС. Они лжецы и хвастуны, которых следовало уволить с позором. Теперь же они заставляют немцев думать, будто война была спланирована каким-то безумцем и сопровождалась ненавистью и преступлениями.

ИНТЕРВЬЮ С ЧЕЛОВЕКОМ ПО ИМЕНИ ЭРИХ, СОТРУДНИКОМ ГАЗЕТЫ *DER STÜRMER* (НЮРНБЕРГ, 1988)

> *Мне доставляет удовольствие говорить о том, что Der Stürmer в большей степени, чем какая-либо другая ежедневная или еженедельная газета, ясно, в простой форме давала людям понять всю опасность, которую несет еврейство. Без Юлиуса Штрайхера и его газеты многие граждане не рассматривали бы важность решения еврейского вопроса как столь критически значимую. В этой связи можно надеяться, что те, кто хотят знать неприкрашенную правду о еврейском вопросе, будут читать Der Stürmer.*
>
> Альберт Форстер (Albert Forster), гауляйтер Данцига, 1937 год

Спасибо, что позволили мне с Вами поговорить; могу ли я спросить, что привело Вас к работе в газете?

Да, вы будете единственным, кто это услышит. Я был студентом-журналистом и познакомился с Филиппом Руппрехтом (Philipp Rupprecht), который разделял мои политические взгляды. В 1936 году он познакомил меня с Юлиусом Штрайхером. Меня приняли в штат и назначили помощником Эрнста Хаймера.

Я жил в районе Нюрнберга под названием Фюрт, и там жило значительно больше евреев, чем в самом Нюрнберге. Я интересовался историей, в особенности историей евреев в Европе. Штрайхер был очень рад познакомиться с молодым человеком, столь же увлечённым этой темой, как и он сам. Я работал в издательстве газеты и часто разговаривал по телефону с Эрнстом, который просил меня исследовать тему, о которой собирался писать. Я много времени проводил в архивах, изучая рукописи, связанные с темой евреев и христианства. Мне также нередко оплачивали поездки, связанные с проведением исследований по этой теме. *Der Stürmer* был популярной газетой в Германии, а затем и в Европе.

Рисунок, опубликованный на первой странице одного из номеров газеты Der Stürmer и названный Пауком/Die Spinne. Подпись к рисунку гласит: «Многие жертвы попались в эту паутину привлеченными сладкими мелодиями. Разорвите паутину лицемерия и освободите германскую молодежь.» На нитях паутины видны слова: Лесть, Подхалимство, Обещания, Уговоры

Считаете ли Вы себя антисемитом?

О, я так не думаю, и позвольте объяснить, почему. Я прежде всего люблю свой народ и хочу защитить его, говоря правду. Это не означает ненависть — говорить правду не значит ненавидеть: мы всегда должны в первую очередь любить своих, но не испытывать ненависть к другим. Мы ненавидели то, что происходило с нашим народом, и это привело нас к евреям, которые, как мы считали, стояли за этим. Я, как и многие немцы, видел, что с этой группой что-то не так. Они составляли очень незначительное меньшинство в стране, но, как мы считали, владели почти всей властью и богатством, умело скрываясь, образно говоря, за маской. Они создавали образ бедных, бесправных и восприимчивых к самым разным идеям, однако их действия, по нашему мнению, были иными. Они старались действовать и выглядеть как немцы, насколько могли, но их внешние признаки их выдавали. Они не могли полностью вписаться [в наше общество], и многие из них работали незаметно, разрушая нашу культуру. Они становились всё смелее, требуя ее устранения. Под ударом оказались и христианство, и церковь. Говорили, что они проникали в Церковь, чтобы разрушить её изнутри. Некоторых священников удаляли, так как они не могли доказать своё арийское происхождение и, как утверждалось, имели все признаки еврея. Так случилось, что именно они продвигали разрушение расы и гомосексуальность среди своей паствы.

К концу 1920-х годов, как говорили, в крупных городах невозможно было избежать еврейского влияния. Они были кинорежиссёрами, банкирами, юристами, брокерами и представителями других прибыльных профессий. Я знал это, потому что мой отец погиб в первой войне, моя мать умерла в 1919 году из-за английской блокады, которая довела многих до истощения и болезней, и меня воспитывали бабушка с дедушкой. Мой дед

хорошо разбирался в еврейском вопросе и учил меня распознавать евреев: им было трудно полностью скрыться. Он учил меня обращать внимание на тёмные глаза и крючковатый нос, оттенок кожи, маленькие глаза, оттопыренные уши и имена, которые они брали. Говорили, что евреев легко выделить по расовым признакам. Они пытались вступать в смешанные браки, чтобы изменить это, но черты всё равно проявлялись. Поэтому, по его словам, я мог видеть в газетах, что еврейское влияние в Германии было чрезмерным.

Даже сутенёры, преступники и растлители, как утверждалось, были в большинстве своем евреями. Говорили, что в Берлине дело дошло до назначения еврейского начальника полиции, чтобы приуменьшать и скрывать совершённые ими преступления. Он якобы неустанно работал над тем, чтобы задушить национал-социалистов в Берлине, а затем бежал из страны, когда всё раскрылось. Я знал об этой проблеме, но, как я утверждаю, у меня не было ненависти к евреям: я был предан делу разоблачения, как я считал, их лицемерия и тайной войны, которую некоторые из них вели против нашего народа.

Что Вы помните о Юлиусе Штрайхере?

Он был хорошим руководителем, очень дружелюбным и невспыльчивым. В начале я допускал много ошибок, и он с Эрнстом были очень снисходительными и отличными наставниками. Сегодня много говорят о Штрайхере: у союзников были специальные люди, которые ездили по Европе в поисках любых сведений о нём. Как вы знаете, его сделали мучеником, отправив на виселицу. Подумайте только: он был частным предпринимателем, издававшим легальную газету, а победители убили его лишь за то, что он печатал то, что думал. Лицемерие победителей поистине поразительно.

Штрайхер был очень популярен, и его часто приглашали на приёмы и ужины, особенно потому, что он принадлежал к старой гвардии и был кавалером Ордена Крови. Он часто рассказывал о богатых и знаменитых людях, которых знал, и о том, насколько, по его словам, люди в других странах были расово сознательны. Его жена часто приносила нам угощения, его сыновья тоже работали в газете, писали материалы или занимались набором. У нас работала девушка по имени Адель, которую сделали его личным секретарём и позже, во время войны, увезли к нему на ферму. Он всегда выдавал нам рождественские премии и следил, чтобы у нас было всё необходимое. Однажды, я помню, как шёл в редакцию с образцами статей Эрнста и, пытаясь сесть в трамвай, уронил папку и рассыпал её содержимое. Водитель накричал на меня и обругал за то, что я его задерживаю. Мне это показалось грубым и неприличным, и я пришёл в редакцию расстроенным. Он спросил, что у меня «застряло в заднице», и я рассказал ему всё. Он позвонил в свой офис и потребовал, чтобы ему с ним связался глава трамвайной компании. Через десять минут тот перезвонил, и ему рекомендовали напомнить водителю о правилах вежливости.

Я действительно не могу сказать ничего плохого об этом человеке. Сегодня говорят, что многие в партии его не любили. У него были свои недостатки, и из-за его популярности вокруг него ходило много слухов. Я всегда задавался вопросом, не распространяли ли их влиятельные евреи, которые, как утверждалось, всё ещё могли нашептать что-то некоторым партийным чиновникам. Он был очень хорошим руководителем. Я также помню, что у него на ферме работали заключённые; Адель рассказывала мне, что у него были неприятности из-за того, что он давал им некоторые вольности. Один из них был из Франции, и он позволил ему с [выданным ему] пропуском поехать домой навестить больную мать. Штрайхер следил за тем, чтобы за ней хорошо ухаживали, и отпускал его, когда ему это было необходимо. Он предоставлял пропуска тем, кого называл своим персоналом, для совершения поездок. Однажды они отправились в Ротенберг, в старый монастырь, чтобы выпить там какого-то особенного пива. Там они столкнулись с наблюдательным полицейским, который был недоволен тем, что заключённые перемещаются так свободно, будто у них каникулы. Штрайхера отчитали за это, но он не обратил на это внимания, так как по натуре не был жестоким человеком. Иногда эти люди

приходили в редакцию, чтобы заниматься уборкой и обслуживанием, и мы обедали вместе с ними. К нам на работу взяли пару девушек с Востока, и к ним очень хорошо относились.

Немцы у публичного стенда газеты Der Stürmer в Вормсе/Worms, Германия, 1935 год. На щите надпись: «Mit dem Stürmer gegen Juda/Со Штюрмером против Иуды». Ниже — лозунг газеты: «Die Juden sind unser Unglück/Евреи — наше несчастье».]

Вы упомянули, что партийные чиновники его недолюбливали — я тоже об этом слышал. Можете рассказать об этом поподробнее?

Да, как вам известно, у него были неприятности из-за того, что он выносил на свет проступки, которые видел у других. Однако он и сам жил в *стеклянном доме*, поэтому, когда он подвергал открытой критике нарушителей из числа правительственных чиновников, они нападали на него. Я помню, что во время ноябрьских беспорядков 1938 года [так называемая *Хрустальная ночь*] он приветствовал эти атаки [на еврейские магазины, дома и синагоги], говоря, что это оправданное возмущение. Позже он обвинил других в подстрекательстве к погромам, которые повредили имиджу Германии, и тогда ему соответствующим образом напомнили, что он сам их одобрял. Его сыновьям было за это стыдно.

Я также слышал, что у него была ссора с рейхсминистром Герингом. Геринг был богатым аристократом, имел много еврейских друзей и не хотел, чтобы на них указывали пальцем. Он нападал на Штрайхера, и тот отвечал тем же. Геринг всегда был первым из тех, кто хотел видеть появляющиеся в Рейхе инновации, и однажды он посетил выставку медицинских технологий, после чего Штрайхер предположил, что тот якобы обзавёлся дочерью «неестественным путём» благодаря новым технологиям, которые увидел. Это взбесило Гёринга, и он попытался закрыть газету.

У Штрайхера была также дурная привычка встревать в споры между людьми и использовать своё положение, чтобы навязывать собственное мнение, из-за чего иногда обе стороны злились на него за вмешательство. Из-за всех этих проблем его отстранили от руководящей должности в партии и поручили заниматься только газетой. После этого он стал более замкнутым, а когда в 1943 году умерла его жена, он остался на своей ферме. Тогда он всё больше полагался на Адель, которая не возражала, поскольку была очень заботливым человеком и по своей природе стремилась исцелять чужую боль.

Меня всегда интересовала Хрустальная ночь. Что Вы о ней помните и поддерживал ли Штрайхер эти события?

И да, и нет. Сначала он одобрял беспорядки, говоря, что ненавидит то, что, по его мнению, делали евреи, но при этом не хотел, чтобы из-за этого пресса показывала в дурном свете Гитлера и национал-социализм. Он обвинял партийных чиновников в лености — в том, что они слишком медленно действовали, чтобы остановить происходящее. Здесь, в Нюрнберге, были подожжены еврейские синагоги, а также несколько еврейских предприятий. Евреев, которые противодействовали толпам, избивали, некоторых убили. Однако я хочу рассказать, как это началось, потому что всё было не так просто, как кажется.

По его [Штрайхера] словам, с первых дней национал-социалистического движения его противники использовали тактику убийств тех, кто был *лёгкой целью*. В Мюнхене вели большую книгу *мучеников*, чтобы регистрировать эти случаи. После избрания *фюрера* евреи в других странах объявили нам войну и начали убивать наших чиновников — это происходило чаще, чем писала пресса. Даже в Германии в 1933 году были убийства, несмотря на то что Гитлер пытался найти решения совместно с сионистами. Последней каплей стал ноябрь 1938 года, когда был убит Рат (Ernst Eduard vom Rath). Он был известной фигурой, и это возмутило многих. Пресса пыталась не придавать этому большого значения, но преступление нельзя было замять, поскольку убийцей снова оказался еврей. Это произошло в один из самых священных дней для партии. Многие студенты, действующие и бывшие члены СА и гражданские лица начали подниматься и нападать на всё еврейское. Позже евреев арестовывали за антигитлеровские надписи: они писали на улицах и стенах, а затем их заставляли убирать за собой, и теперь эти фотографии выставляют как доказательство преследований.

Карикатура времен Третьего Рейха: «Еврей варит свою ложь, которую овцы охотно проглатывают». Надпись на котле: Juden-Presse/Еврейская пресса.

Я могу подтвердить, что видел толпу людей здесь, в Нюрнберге, которые слонялись по улицам. Говорят, что чем дольше они бродили, тем сильнее разъярялись. Позже я выглянул из окна, увидел дым над синагогой и понял, что её подожгли. Я слышал, как

приехала пожарная команда, но они мало что могли сделать. Штрайхер вызвал нас в редакцию, чтобы мы готовили статьи об этом, но он также был зол из-за проявления слепой ненависти. Он считал, что нужны более тщательные и организованные меры, чтобы заставить евреев начать покидать страну. Я знаю, что он распорядился снести одну синагогу, полагаю, что ее присутствие нарушало какие-то строительные нормы. Он использовал это как пример того, как подорвать их мощь. Евреи в Германии, по его мнению, столкнулись с *праведным гневом* в связи с действиями еврейских террористов, да и кто мог забыть, как они защищали марксизм?

В вашей стране японские граждане столкнулись с ненавистью по отношению к себе из-за события, к которому они не имели отношения. Это лишь показывает, как подвергаются преследованиям люди, попавшие под колпак *коллективной вины*. Некоторые сотрудники редакции не делали различий, особенно сыновья Штрайхера – они продвигали статьи, требующие полного удаления всех евреев из Рейха и всех христианских земель. Для некоторых не существовало «хорошего еврея», и, как они считали, их всех следовало силой отправить обратно туда, откуда они якобы пришли.

Видя всё это, верите ли Вы, что Холокост был, и чувствуете ли Вы ответственность?

С этим вопросом нужно быть осторожным, поскольку об этом невозможно говорить открыто. Скажу вам вот что: я ничего не знал о том, что происходило в лагерях. Штрайхер никогда об этом не упоминал, и всё, о чём мы говорили, — это желание увидеть, чтобы евреев вывезли обратно на восток, откуда, как считалось, они пришли. Я знал, что евреев вывозили со всей Европы — это нельзя было скрыть, — и всё, что нам говорили, заключалось в том, что их отправляют на восток для переселения. Опять же, не всех евреев вывозили: если они служили Рейху, были аполитичными или состояли в браке с христианином, их оставляли в покое.

Из послевоенных разговоров с людьми, которые были в это вовлечены, я понял, что план состоял в том, чтобы переселить евреев в Россию. У меня был друг, работавший в отделе СС, который этим занимался; он даже говорил, что многим платили за переезд в Палестину. Состоятельные евреи, которых рассматривали как узурпаторов и воров, уехали в Америку и Британию, и оттуда, находясь в безопасности в своих новых домах, стали агитировать против Гитлера. Я не чувствую раскаяния ни за что: мы, как могли, говорили правду об истории этого народа. Они пришли в нашу страну, накопили огромные богатства, а затем повели против нас войну, навязывая нам свои порядки. Всякий раз, когда собирались ограничить чьи-то права или дать какой-нибудь группе особые привилегии, за этим, как считалось, всегда стояли евреи. Они боролись за половые извращения и соблазняли замужних женщин, которых использовали, а затем выбрасывая, как старую тряпку. В эпоху Веймара, которую называли *еврейской эпохой*, число самоубийств резко выросло: женщин сажали на наркотики, использовали для секса, над ними издевались и продавали, а мужчины были бессильны это остановить, поскольку жёсткие законы делали выступления против евреев преступлением.

Почти каждый раз, как утверждалось, за такими преступлениями, как контрабанда, наркотики, организованная преступность, садистский секс, гомосексуальность, детская порнография, мошенничество, взяточничество и вымогательство, стояли еврейские лица или имена. Особенно они любили страховое мошенничество. Это было очень незначительное меньшинство, но, как считалось, именно оно совершало большинство подобных деяний. Я понимал гнев людей, когда они это видели, и был рад помочь людям осознать эту опасность. Я никогда не желал бы никому того, что с ними случилось, но, по моему мнению, их ненавистные лидеры сами вызвали это, разжигая войну, в чём еврейские финансисты, были особенно искусны на протяжении всей истории. Они вели против нас священную войну и победили.

Меня злит, что этот народ пришёл к нам, питался за наш счёт, использовал нас, а когда мы наказали их за это и разоблачили, они начали войну, чтобы уничтожить то, что ненавидели. Затем они стали причиной гибели тысяч своих людей и после этого обвинили нас, выдумывая истории о «фабриках смерти» и массовых убийствах. Так они мстят нам и используют для этого наших же расовых сородичей.

Что с Вами происходило во время войны?

Я трудился в газете до самого конца. Это была очень хорошая работа с множеством льгот. Меня освободили от военной службы, так как у меня были шумы в сердце. Я оставался во Фюрте, который избежал серьёзных бомбардировок, поскольку там всё ещё жило много евреев. Городские здания были повреждены в 1940 году, а затем ещё несколько налётов во время войны затронули аэродром и близлежащие заводы. По-настоящему тяжело стало лишь в 1944 году, когда союзники били по всему подряд.

Условия работы были очень хорошими: после выхода номера газеты нам давали свободное время для отдыха. Я познакомился с симпатичной секретаршей и начал отношения с ней в 1940 году, мы поженились в 1943-м, и Штрайхер отправил нас в свадебное путешествие в Биарриц на две недели. Нам оплатили питание и дополнительные расходы, за что мы были очень благодарны.

Брат моей жены служил в зенитной батарее здесь, в Нюрнберге. Мы могли слышать, как еорудия стреляли без остановки во время авианалётов. В Нюрнберге регулярно звучали сигналы тревоги, которые часто срывали нашу работу и иногда приводили к ненужным смертям, так как люди начинали считать, что извещения об авианалетах не относятся к нам. Когда конец стал близок, мы прекратили выпуск, кажется, в начале 1945 года и бежали в Харольдсбург к другу. Штрайхер пожелал нам всего доброго, и я помню, что он был очень фаталистичен, говоря, что для него всё кончено и он встретится с врагом.

Это был последний раз, когда я его видел: он был со своими сыновьями, с Адель и одной из украинских женщин, направлявшимися обратно на ферму. Для нас тоже всё было кончено. Потом союзники заставляли всех рассказывать, чем они занимались во время войны. Я показал свидетельство об освобождении и сказал, что потерял остальные документы во время бомбёжек и что я всего лишь рядовой печатник. У меня не было желания попасть в какой-либо из союзнических лагерей. Я читал, что позже там были проблемы с тем, что еврейские охранники избивали немцев и мстили всяческими способами.

Меня возмущали трибуналы, и я считал их фарсом. Германия получила новых мучеников для будущего, в котором останутся наши идеи. Когда-нибудь мир узнает, что они умерли невиновными и стали жертвами еврейской ненависти.

Источник

http://www.mourningtheancient.com/index1.htm

Возврат к главной странице www.warsstory.org